

«ПОЛТИННИК» АННЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЕЙРИХ

Про юбиляра следует говорить исключительно хорошее и, более того, желательно в праздничных, радостных тонах. Писать об Анне Николаевне так не получится... Судите сами.

Зачата она была и родилась... в заключении. Да, ее родители «сидели» неподалеку - в Стекольном. Когда подошло время, мать будущей Анны (ныне, слава Богу, здравствующая Ирина Николаевна) перевели в родильный дом для заключенных, что находился под Магаданом близ поселка Снежный. По нехитрому и якобы накатанному замыслу кормящую мать должны были бы перевести на легкие работы в ближайший лагерь. Вопреки замыслу мать с дитем, хотя и не сразу, отправили глухой зимой в неотапливаемой будке едва тащившегося между поломками грузовика в Усть-Омчуг (без малого 300 км пути). Зачем ? Вероятно, это был последний тест на выживание: через немногие недели

после благополучного прибытия в Усть-Омчуг Ирину Николаевну... освободили, ибо кончился срок. Но освободили «по-гулаговски», оставив на поселении в Усть-Омчуге (где в отличие от Стекольного не было ни

жилья, ни работы, ни друзей, ни знакомых) до 1956 г., когда выпустили уже всех. Так свершилось Высшее Предназначение Анны - спасти собственную мать. Это не наша формулировка - так говорит о себе Анна.

Уже по собственной воле семья осталась в Магадане, наверное, казавшемся из-за колючей проволоки лагеря Землей Обетованной и давшем работу отцу Анны - ныне покойному Николаю Константиновичу, до того как его посадили - одесскому моряку (не здесь ли один из корней неординарности Анны?)

Теперь Анна оформляет пенсию «по достижении возраста» (не по старости же!), и кроме пенсионного она получит второе удостоверение - удостоверение репрессированной...

В положенное время Юбилярша ненадолго отлучилась из Магадана - в Минск, получить образование. У вас много знакомых женщин, закончивших кафедру радиационной биофизики физического факульте-

та? Вы с ними имели дело? Она, между тем, получила блестящее образование, именно образование, отточившее заложенную родителями завидную четкость мысли и научившее обращению, как с мясорубкой на кухне, с не простыми приборами в лаборатории.

Потом был и есть Институт биологических проблем Севера, не долгий выбор тематики работ, не столько по специальности, сколько по интересу. В то время лаборатория начинала работы по холодостойкости беспозвоночных - одной из главных адаптаций северных животных. Предложили Анне присоединиться. На первых порах, грешным делом, не обрадовались: плохо слушалась («кто из нас командует парадом, в конце концов?»). Но очень уж скоро, вежливо оттеснив всех, полностью прибрала к рукам приборный парк лаборатории («кто из нас физик, да к тому же ядерный, в конце концов?»). Так что сожалели не долго. Многочасовые нудные эксперименты с каждой особью насекомого Анна «запараллелила», соорудив многоканальную установку, выдававшую сразу статистический массив данных. Установка работает и по сей день. Правда, месяц назад Анна ее вновь модернизовала...

Вообще-то занятия криобиологией и криозоологией - удел только богатых стран или безответственно богатых ведомств. Стимул-то понятен - найти способ консервации холодом не только тканей, но и целиком человека: и очень богатых людей, ныне не излечимых, а в будущем - будет видно; и нормальных по обеспеченности людей, но с жестокими травмами, чтоб успеть довести до специализированного центра; и много еще для чего, в том числе аж для сверхдолгих космических полетов... В России криобиологией занимаются в основном на космические деньги. В криозоологии, хотя она и многократно дешевле, работают два коллектива (один из них наш) и несколько одиночек. С возможностями академического института, да еще в Магадане, бессмысленно лезть традиционным путем, как теперь говорят, в «крутую» область. Тут нужен другой путь: «не числом, а умением».

И Анна сумела. С коллегами-экологами она сделала много интересных работ. Одна из них (говоря по-чиновничьи - плановая) стала ее блестяще защищенной кандидатской диссертацией и касалась физиологических и биохимических приспособлений муравьев к низким температурам зимовки на Колыме. Не будем вдаваться в детали, этому посвящена специальная книга, под-

готовленная к печати. В качестве анонса: Анна выяснила, что ни один из 15 видов обитающих на Северо-Востоке Азии муравьев зимой не замерзает - напичканы они всякого сорта антифризами, позволяющими части из них без ущерба переносить -40...-42°C. Нам бы да так!

Однако одно из выполненных Анной исследований (справедливости ради - в свободное от основной работы время) воистину не тленно. Уж сколько лет прошло, а работу не только цитируют, но и всячески продолжают. Речь идет о зимовке знаменитого сибирского углозуба (тритончика), широко распространенного по всей северной Азии и в нашем регионе тоже. Анна впервые в Науке показала, что не только какие-то там муравьи и прочие насекомые-букашки могут переносить столь низкие температуры, но и позвоночные животные «в лице» тритончика унаследовали эту способность. И биохимический путь защиты у него такой же, как у некоторых групп насекомых, - эволюция вполне экономна. До сих пор углозуб остается рекордсменом по перенесению низких температур среди позвоночных животных (-36°C!). Конечно, от углозуба до человека далековато, но ведь тоже позвоночное, и это принципиально.

Надо сказать, что работы с холодостойкостью лишь частично проходят в лаборатории. Значительная их часть - это экспедиции, и не только летом, но и зимой: надо извлечь из почвы с осени размещенных там животных, да так, чтобы не было холодового удара, и довести до лаборатории в термостатах с нужной температурой. И Анна добывала и привозила в прекрасной сохранности живой материал из Оймякона (больше 1000 км зимой) в модельных, но профессионально сделанных по ее идеям и под ее контролем автомобильных термостатах. Таких промышленности и не выпускала вовсе. Измерения с помощью электронных термометров на морозе (а мерить нужно при минимальных температурах воздуха!) приятным делом не назовешь. Сама-то ничего, вот приборы на морозе работать не хотят, и автомашинка ломается, и мужики нецензурно капризничают. Об их воспитании по Колыме легенды ходят до сих пор; поселков нет, а легенды остались, пересказывать не будем (для любознательных - наш адрес можно взять в редакции журнала).

Редкая и завидная у Анны любовь - любовь ко всякому учению. Всему нужному или необходимому. И здесь судите сами.

Освоила Анна не только технику, но и биохимию, и физиологию животных. Перед защитой в ЛГУ по инст-

рукции (читай - по дурости) полагалось сдавать в качестве второго (биологического) экзамена (она же физик, а не биолог) энтомологию; по объему механического запоминания примерно как анатомия для медиков. Можно было словчить. Не стала - одалживаться надо было. Вызубрила и сдала... Был у Анны, как и у всех, не простой период в жизни. В большинстве своем люди ждут, пока само пройдет; Анна ускорила процесс, занявшись изучением психологии. Теперь прекрасный консультант-психоаналитик. Рекомендуем... Вряд ли кто из ваших знакомых так знает пищевую гигиену и бытовую химию, почти профессионально. «Надо же знать, чем тебя травят», - отшучивается Анна, между тем досконально изучив эти предметы... Любит вязать - освоила громадную вязальную машину. Говорит, что производительно и приятно. Не вручную же - только время терять... Ездил за границам - выучила блестяще английский... В 40 лет встала на горные лыжи (!?!)... Если шире и глубже: приверженность Анны к технологичности во всем (готовить еду - тоже дело) как бы экономит запас ее проникающей (говоря языком ядерной физики) интуиции, предназначенной для дел, где технологии не возможны. «Мое кредо: могу все» - полушутя-полувсерьез как-то сказала Анна. И это так. Однако вполне самокритична, любимые выражения о себе в случае оплошности: «кляча» или «.....» (желающим расшифруют в редакции).

В работе с ней всегда легко: бал правит, если интересно или нужно, дело. И в жизни легко: оставляет на производстве нередко командный тон с той же легкостью, с какой переодевается в домашний комплект.

Есть святая для Анны ипостась, где она неизменно доброжелательна и более того - жертвенна. Это - дети. Помочь любому ребенку (и всем, кто следующего поколения относительно нее, вне зависимости от возраста), особенно же детям знакомых и тем более друзей, почитает за честь, а не только обязанность. Так редко встречающийся в человеческом обществе атавизм «заячьего коммунизма»!

Говорят, что с возрастом человек не меняется, все якобы заложено с детства. Наверное, смотря какой человек. Анна меняется - еще к лучшему: теперь мудреет. Ей не 50, ей - «полтинник». Это - не одно и то же. Глядя на нее, понимаешь, из-за кого законодатели пытаются переписывать пенсионный закон, поднимая возрастную планку.

Так держатся, дорогая Аня, Анна Николаевна!

Любящие коллеги и друзья.